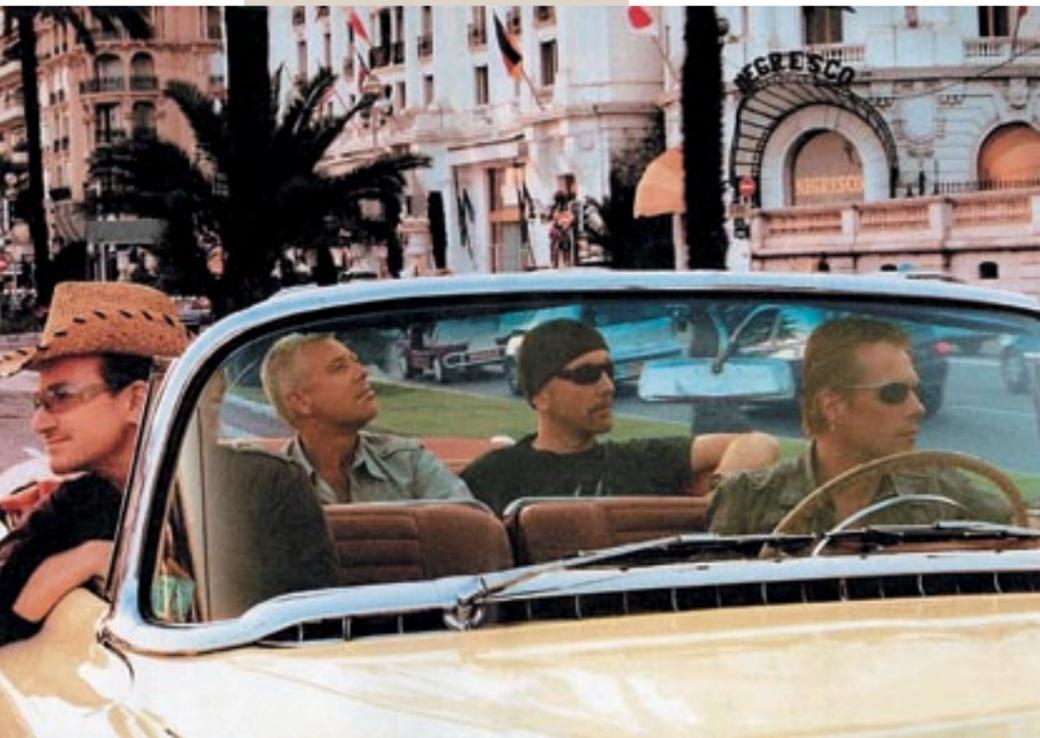

В конце прошлого года поступил в продажу новый альбом знаменитой ирландской группы «Ю-Ту».

ской авиакомпании, а когда семья перебралась в Дублин, Адам оказался в своей школе чужим: он говорил на суахили, а по-гэльски не знал ни слова. Вкус к жизни он снова обрел,

Дублинцы в Ницце. Слева направо: Боно, Адам Клейтон, Дэвид Эванс, Ларри Муллен

Его странное название «Как разрядить атомную бомбу» («How To Dismantle An Atomic Bomb») отсылает к какой-то задаче высшей степени сложности. Собственно, трудной задачей было создание самого альбома. Преодолеть возникавшие творческие и бытовые препятствия группе помогло испытанное средство: сплоченность. Четверть века «Ю-Ту» играет в неизменном составе; это больше, чем рок-группа, это своего рода семья, надежный приют для четырех мужчин. Их сыгранность видна не только в студии или на сцене, но и в частной жизни. Роли четко распределены.

В басисте *Адаме Клейтоне* кое-кто склонен видеть застенчивого аутсайдера. Но на самом деле он с самого начала был в группе скрытой силой, во многом определявшей направление ее движения. В 70-е годы, когда маленькую группу едва ли кто-нибудь знал за пределами Дублина, Клейтон был убежден: «Мы станем больше, чем Битлз». Клейтон долго чувствовал себя человеком без родины; он вырос в Кении, где его отец был служащим Восточно-Африкан-

приняв участие в организации школьной группы «Ю-Ту». Она-то и стала для него родиной и остается ею до сих пор. «Немногие люди способны четверть века сохранять свой брак или деловые отношения, — говорит он. — Мы не так уж близки, но мы глубоко понимаем друг друга». Может быть, дело еще и в том, что в последние три-четыре года все они стали сорокалетними. Времена, когда Клейтон в качестве жениха супер-модели Наоми Кемпбелл служил объектом сплетен, миновали, как и дни, когда он был неразлучен с наркотиками. Зато сегодня он разъезжает между Дублином и Лондоном, где живет его новая подруга. «Я не часто выхожу на люди, но когда выхожу, чувствую себя много лучше, чем раньше. Теперь я могу также спокойно оставаться дома, смотреть новости, слушать музыку». Клейтон стал приветливым и добродушным.

Дэвид Эванс (его весь мир знает под артистическим псевдонимом Эдж — «Лезвие»), благодаря которому родился особый гитарный звук группы, год назад был просто в отчаянии: во время фотосессии во Фран-

ции у него украли сведенную запись нового альбома. Казалось, только вопрос времени: она вынырнет в Интернете и станет доступной миллионам слушателей. Это было бы особенно жестоко для перфекциониста Эджа, который обычно оттачивает сделанное до последней минуты. Эдж не хотел прикасаться к новому диску до опубликования, это служило ему своеобразной самозащитой: «Если бы я его услышал, мне захотелось бы еще раз все записать по-новому. Десять процентов студийной работы — это вдохновение. Девяносто процентов — чисто технологический процесс. Это во мне говорит естествоиспытатель». Украденная запись в Интернете так и не появилась.

О *Ларри Муллене* говорят, что его мир состоит только из черного и белого, никаких полутонов. Его считают прямым и дерзким — и выглядит он по меньшей мере на пятнадцать лет моложе, чем ему на самом деле. Ему было семнадцать, когда умерла его мать, мечтавшая о том, чтобы сын стал священником; в это же время его сестра оставила родительский дом, чтобы выйти замуж. Но осталась большая семья «Ю-Ту», в которой Ларри пробовал себя в качестве ударника. Здесь он был словно избалованный ребенок. Хотя Боно видит его роль в совершенно ином свете: «Он как отец, который может инстинктивно принимать быстрые и верные решения».

Боно. Человек, который звонит по телефону Манделе и Клинтону, Бушу и Блэру, включается в кампанию борьбы против СПИДа и ругает за списание долгов стран третьего мира. Журналистке, которая спрашивает его на прогулке, он отдаст свои туфли, чтобы она не поранилась об острые камни, а сам бежит босиком, — это так по-рыцарски.

Боно рано потерял мать, а отец всегда был ему как чужой: «Временами мы вели нечто вроде холодной войны, а когда жизнь отца подходила к концу, я сидел у его кровати и его брат заботился об их больном отце, Боно писал картины и сочинял песни. Так что новый альбом отражает его мысли и чувства последних лет. Это альбом о страхе и надежде. О страхе перед отчужденностью и одиночеством и о надежде преодолеть это.

Дочь знаменитой актрисы Роми Шнайдер стала вполне взрослой — и актрисой... Глаза от матери,

Больше всего Сара любит джинсы и кроссовки, но здесь она позирует для французского модного журнала «Эль»

Малышка Сара была счастлива с матерью, Париж, 1981 год

С отцом на фоне замка Шёнбрунн, резиденции той самой Сисси, 1993 год

нос от отца, подбородок от дяди — уже 27 лет, с тех пор как Сара Биазини появилась на свет, киномены неутомимо рассматривают ее лицо: насколько она похожа теперь на Роми?

Сейчас симпатичную французскую подобные глупости, кажется, уже не тяготят. Но было время, когда она смотрела на все это не так спокойно. Стать второй Роми Шнайдер? Никогда. Сара поступила в университет на факультет истории искусств. «Но там я постоянно ощущала, что в моей жизни чего-то не хватает. Чего именно, я понять не могла. Мне надо было созреть, самой прийти к решению стать актрисой». И теперь она сделала это: в ее первом фильме «Джулия — агент короля» у нее длинные локоны; она играет девицу-сорванца в волшебно-модном костюме.

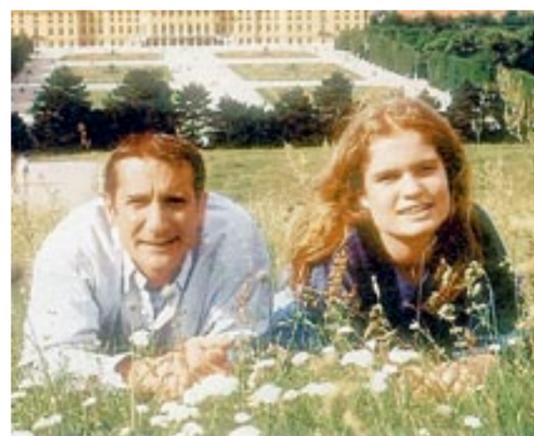
Фильм, говорит она, значит для нее больше, чем первый актерский опыт. Маленькое освобождение. «Этот

фильм — лучшее, что пока произошло со мной». Сара Биазини осторожна. Она не хочет начинать артистическую карьеру столь же неподготовленной профессионально, какой

Это роль, выпавшая на долю ее матери. Даже в 2000 году, через 18 лет после ее смерти, читатели «Le Parisien» назвали Роми Шнайдер актрисой столетия, поставив ее выше символа Франции Катрин Денев. Когда-то героиней грез двадцатилетнюю Роми сделали три фильма о жизни австрийской Елизаветы (Сисси). Принцесса-простушка, игривое целомудрие, пышные кринолины... Поклонники по обе стороны Атлантики ежедневно слали ей сотни писем с признаниями в любви. Ей несли и несли слащавые сценарии; от актрисы, словно сошедшей с росписи сервизов «Мадонна», и во Франции ждали поначалу, что она останется верной ампулы до самоубийства любящей женщины.

Однако «сладкая Сисси» выбралась из этого ампулы. Роми заново обретает успех, но уже как серьезная драматическая актриса. Она снимается у Висконти, Феллини, Клузо, завоевывает Голливуд, ее партнерями становятся Монтан и Трентиньян, Вуди Аллен и Делон (с которым ее связывали долгие и несчастливые личные отношения).

Сара не любит биографов матери, отвергает слухи и домыслы, связанные с ее жизнью. Да, она обожала вечеринки, у нее были любовники; эти обстоятельства часто рождают «падших ангелов», но Роми была не из их числа. «Я думаю, — говорит Сара, — мать таким способом завоевывала и отстаивала свою свободу. Она боролась за свою независимость. И я горжусь этим. Мама осуждала мужчин за то, что можно назвать «комплексом пашши», — они выводили на экран эмансипированных женщин, а в реальной жизни хотели бы оставить все по-старому. Это ее резкое осуждение принесло несомненную пользу женщинам моего поколения. Пусть помнят о моей матери по ее фильмам. Она была очень успешна в своей профессии, любила людей, и ее любили миллионы».

была когда-то ее мать. После университета она берет уроки мастерства в известной актерской школе Ли Страсберга (учившегося когда-то у Станиславского) — там, где ее никто не может назвать «дочкой Роми».

Саре было четыре, когда в мае 1982 года мать умерла от разрыва сердца. Она помнит о своем детстве многое, не хочет ни с кем делиться своими воспоминаниями: «Это мое личное». После смерти матери она росла в доме отца (за Даниэля Биазини, начинающего драматурга и своего личного секретаря Роми вышла замуж в 1975 году), — в доме, где годом раньше трагически погиб ее сводный брат Давид. «Несмотря ни на что, я была очень счастлива. Есть дети, которым приходится страдать куда больше». Она не хочет приписывать себе судьбу, полную травм. Трагическая красота — эта роль не для нее.